

РЕЦЕПЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ПАЛЕЙ

DAR'IA M. LEDNEVA

RECEPTION OF THE CHRISTIAN TRADITION IN THE WORKS OF MARINA PALEY'S PROSE

Жанровые поиски для Марины Палей, как и для любого писателя-интеллектуала, обусловлены стремлением найти наиболее адекватное выражение собственного художественного видения. Свое место занимает в творчестве Марины Палей и христианская традиция. Задачей написания статьи стало исследование воплощения писателем авторского сознания в жанровых формах святочного рассказа («Анклава для двоих») и притчи (роман-притча «Хор»). Рассматриваются характерные черты святочного рассказа, а также его современное состояние. Отмечено, что российские писатели сегодня используют эту жанровую форму для критики безнравственности и бездуховности общества. Марина Палей по-своему интерпретирует мотив чуда в святочном рассказе. По мнению автора, чудо — это результат личных усилий человека. В рассказе Палей не происходит духовного перерождения героини, однако она остается верна своим убеждениям. Таким образом, время Святков — время проверки характера человека. Прослеживается наличие святочных мотивов и в пьесе с острым критическим взглядом на общественное устройство — «Погружение». В противовес рассказу «Анклава для двоих» здесь усилия героев результатов не приносят, рождественского чуда не случается, а святочные и рождественские элементы в «Погружении» лишь подчеркивают абсурдность бездуховной действительности. Переработка притчевой жанровой парадигмы позволяет автору, не опускаясь до нравоучительного текста с руководством к действию, создать произведение, побуждающее к аналитическому взгляду на природу человеческих взаимоотношений и Божественный промысел.

Ключевые слова: Марина Палей, литературная традиция, притча, святочный рассказ, рождественский рассказ, трагикомедия-буфф.

**Дарья Михайловна
Леднева**

аспирант

► ledneva.daria@mail.ru

Литературный институт
имени А. М. Горького,
Российская Федерация, 123104,
Москва, Тверской бул., 25

Dar'ia M. Ledneva

Postgraduate Student

Gorky Institute of Literature
and Creative Writing,
25, Tverskoi bul., Moscow, 123104,
Russian Federation

The author argues that Marina Paley, being an intellectual writer, tries to find out genre form for proper representation of her worldview and aesthetic values. Consequently Paley pays attention to the Christian literary tradition. The purpose of writing the article was to study the writer's embodiment of the author's consciousness in the genre forms of the Yuletide/Christmas story ("An Enclave for two") and parable (parable novel "Choir"). The objective of the article is to analyze the embodiment of the writer's consciousness in the genre forms of the Yuletide/Christmas story and parable. The article reviews the characteristics and peculiarities of modern Yuletide/Christmas story. Many contemporary Russian writers use this genre form to criticize the immorality and lack of spirituality of society. Marina Paley also interprets the motive of the miracle in her own way. The miracle is the result of personal efforts. However, there is no spiritual rebirth or revelation with the character, she remains true to her conviction. Thus, Christmas time also acts as a test of a person's character. The Christmas motifs are also can be found in

the play “The Immersion” that shows a sharply critical view of the social structure. In contrast to the story “An Enclave for Two”, the efforts of the characters do not bring results, the Christmas miracle does not happen, and the Yuletide and Christmas elements in this play emphasize only the absurdity of the soulless reality. The interpretation of the parable genre allows the author, without descending to a moralizing text with an action guide, to create a work that encourages an analytical look at the nature of human relationships and Divine Providence.

Keywords: Marina Paley, literary tradition, parable, Christmas story, Yuletide story, tragicomedy buff.

Введение

Жанровые поиски для Марины Палей, как и для любого писателя-интеллектуала, обусловлены стремлением найти наиболее адекватное выражение своего художественного видения. Войдя в литературу с вполне традиционными повестями и рассказами, она вскоре обратилась к экспериментам с жанровыми формами. В соответствии с творческими целями писатель расширяет и видоизменяет рамки, изначально заданные жанровой традицией: такой подход к прозе крупных форм, драматургическим жанрам позднее привел Марину Палей к емким кинорассказам и к поэтическим циклам.

Ее творчество с самых ранних произведений вызывало интерес литературных критиков. Исследователи отмечали экзистенциальность [Боровиков 1998: 223], квазимемуарность прозы писателя [Немзер 1998: 299], большое внимание уделяли острой социально-критической составляющей, сравнивавшейся с «оптическим прицелом снайперской винтовки» [Беляков 2008: 164].

Г. Л. Нефагина относит прозу Палей к натуралистическому течению «другой прозы» (направление, по мнению исследователя, противостоящее официальной литературе), при этом подчеркивая, что натурализм для автора является способом выражения экзистенциального сознания [Нефагина 1997]. Экзистенциализм прозы Палей отмечен в диссертационной работе Ю. Н. Сипко [Сипко 2006]. При этом обращение писательницы к жанру романа-притчи показывает, что выражение авторского сознания для нее не сводится к конкретно-натуралистическим картинам жизни, но тяготеет к использованию аллегорических и философски-обобщенных форм.

Вопросы жанровых экспериментов в творчестве Палей затрагивались в работах С. И. Шейко-Маленьких (об особенностях сценарных имитаций) [Шейко-Маленьких 2004], Е. К. Созиной (петербургский роман) [Созина 2011]; в учебном пособии [Гашева 2009] внимание уделено кинематографическим особенностям прозы писателя, ее умению с помощью выразительной детали дать образ яркого, объемного мира.

Современные русские писатели, следуя традиции отечественной классики, обращаются к житийной и апокрифической литературе, книгам Священного Писания, другим церковным текстам. И в творчестве Марины Палей христианская традиция занимает свое место. Рецепция христианской традиции при обращении к известным христианским сюжетам может проявляться как в аллюзии или перифразе, в обращении к нравственным и духовным положениям христианства, так и в виде переработки жанровых форм христианской литературы. Марина Палей обращается к святочному рассказу («Анклав для двоих») и к притче (роман-притча «Хор»). Задача автора статьи — проанализировать работу писательницы с жанровыми формами, проследить, как переосмысление жанрового канона позволяет ей воплотить свой художественный мир и отразить свои представления о человеке и обществе.

Жанр святочного рассказа

Обратимся к святочному рассказу Марины Палей «Анклав для двоих», поскольку этому рассказу критики не уделили внимания.

Исследователи определяют святочный и рождественский рассказы как отдельные жанры [Завельская 2019: 126], хотя хронологически и содержательно оба жанра связаны с Рождеством. Святки — праздник, посвященный Коляде и связанный с разгулом нечистой силы. Он корнями уходит в язычество, это один из главных календарных праздников в русской народной культуре. На этот же временной период приходится Рождество — христианский церковный праздник, побуждающий человека к духовному перерождению, любви, милости и всепрощению, и светское празднование Нового года.

К традиции святочного рассказа относятся испытание нечистой силой, гадания и маскарады, а к рождественскому рассказу — преображение духа, напоминание о нравственных ценностях. Тем не менее оба выражения часто используются как синонимы.

Святочный рассказ, воплощая особенности народного мировосприятия, отражает устную народную традицию рассказывания праздничными вечерами о происшествиях, случающихся от Рождества до Крещения. Его становление как жанра приходится на XIX в. Большое влияние на русскую рождественскую прозу оказали Ч. Диккенс и Г. Х. Андерсен. Во многом благодаря этим мастерам в русской литературе появляется новая тема — Рождество, которое до середины XIX в. было сугубо церковным праздником и в мирском формате не отмечалось.

Исследователи выявляют два подхода к изображению чуда в литературе: чудо как откровение свыше о красоте и радости Божественной благодати в ином мире и последующий уход к этой небесной красоте и чудо как перемены в душе и в жизни, как отклик на откровение. Новый сюжетный тип чуда усваивается русской литературой в процессе перехода от романтизма к реализму и позволяет писателю сочетать в произведении бытовизм, социальный детерминизм и момент откровения как результат психологического кризиса [Завельская 2019: 128].

Одновременно с рассказами о чуде большое распространение получают тексты о несоответствии действительности идее Рождества, рассказы с несчастливой развязкой. Утопический сюжет о чуде сменяется сюжетом о неслучившемся чуде.

Однако жесткость жанровой формы, однообразие сюжетных схем, заштампованность и шаблонность, необходимость писать к определенной дате вели к кризису жанров святочного и рождественского рассказа. Поиск оригинальных решений побуждал писателей к расшатыванию формы и слиянию праздничных рассказов с некалендарными, а потрясения начала XX в. дали святочному рассказу новое дыхание.

Постперестроечное время обозначено мировоззренческими сдвигами, обострением духовных

и нравственных проблем, что вновь направило внимание писателей к святочной и рождественской прозе.

В XXI в. вышли тематические сборники «Покажи мне звезду» (2005), «0 января» (2009), «Святочные рассказы. XXI век» (2010). Святочная/рождественская традиция продолжена в книгах: «Конец века» О. Павлова, «Пока она умирала» Н. Птушкиной, «Капустное чудо» Л. Улицкой, «Золотая середина» Н. Горлановой, рассказах С. Гороховой, М. Кравцовой, М. Кучерской, И. Рогалевой и др.

Д. Быков* в рассказе «Девочка со спичками дает прикурить» отказывается от сентиментальной традиции и выносит приговор: современное общество глубоко больно и порочно, и даже ангел не в силах ему помочь в канун Рождества [Даниленко 2014: 591].

«Черное пальто» Л. Петрушевской также можно прочесть как современный рождественский рассказ. В произведении Петрушевской чудо — это прозрение героини и познание ею себя. Из мрака заблуждения она возвращается в прежнюю реальность уже иной, это будет реальность нового сознания [Даниленко 2014: 595]. Таким образом, современный рождественский рассказ обличает общество и показывает сложную психологию человека.

Нравственный пафос рассказа И. Рогалевой «Продавец газет» заключается в прославлении христианских норм жизни, а чудо связано с обращением к Богу [Макеева, Михеенко 2013: 246]. В рассказе Л. Улицкой «Приставная лестница» бытовой случай разрастается под колокольный звон до бытийного масштаба. «По-своему преодолевая жанровые условности, современный прозаик раздвигает границы христианского миропонимания, сопровождая явление человеку Бога не в облике Христа, а в его собственном образе» [Сизых 2012: 125].

Марина Палей — автор, чутко реагирующий на социальные кризисы, также стремится выразить свое отношение к обществу и человеку посредством святочного рассказа. «Анклав для двоих» повествует о трудной жизни нелегальной эмигрантки Гражины-Виктории в Нидерландах,

* Признан иноагентом на территории РФ.

которая перебивается случайными заработками, питается кошачьим кормом и ночует по чужим углам. Героиня рассказа — талантливая художница, оказавшаяся на обочине жизни.

Действие рассказа охватывает три Рождества, в канун каждого праздника происходит судьбоносное для героини событие.

Перед первым Рождеством Гражина-Виктория поселяется в доме Джейка, британского консула. И хотя знакомство с Джейком несет перемену в судьбе героини, это никак не чудо в фантастическом смысле слова, а скорее, случайность или везение: знакомство Гражины-Виктории и Джейка происходит стараниями общего приятеля, а героиня просто плывет по течению. Перемены в жизни героини — это только видимость, она так и остается нелегальной эмигранткой. Тем не менее духовным переворотом можно назвать любовь, которая переполняет героиню.

Марина Палей следует традиции Льва Толстого, в творчестве которого «святки становятся своеобразных мерилom этических ценностей» [Душечкина 1995: 140]. Гражина-Виктория больше не может обманывать своего возлюбленного и во второй Сочельник признается, что она — нелегалка, из-за чего отношения с Джейком резко обрываются. Теперь положение героини еще хуже: познав счастье, она теряет его, однако при этом остается верной своим убеждениям. Если рассматривать святки в интерпретации Льва Толстого как «лакумовую бумажку», показывающую суть человека, то именно эта проверка характера и происходит с Гражиной-Викторией.

Автор показывает, что жизнь человека обусловлена социальными рамками и сплетена из взлетов и падений. С этого момента для героини наступает испытание. Случайности и совпадения на некоторое время отступают, и героиня начинает действовать. Благодаря своему таланту Гражина-Виктория находит работу: на турецком рынке, где она оформляет витрины, она знакомится с китайцем Ли Чуань и вскоре начинает работать в его ателье. Тем самым Марина Палей ставит вопрос: насколько жизнь человека определяется его собственными действиями, талантом, стремлением реализовать свой потенциал, а насколько

ко — провидением, случайностями и совпадениями?

В третье Рождество героине грозит депортация, но вновь происходит чудесное и случайное. Джейк возвращается к возлюбленной. Так реализуется рождественский мотив примирения.

Рассказ Марины Палей — тонкое переплетение бытовых совпадений, откровенных случайностей и везения, граничащего с чудом, таланта, воли и стремления главной героини устроить жизнь.

Гражина-Виктория не проходит через внутреннюю трансформацию. Тем не менее важно отметить, что на протяжении всего рассказа героиня сохраняет верность себе, своему творчеству и возлюбленному. Обретение счастья, таким образом, является наградой за верность своим убеждениям, а также наградой за смиренно перенесенные тяготы жизни, то есть за пройденное с честью испытание. «Истинное чудо никогда не бывает случайным, но является в силу внутренней духовной необходимости» [Салтыков 1999: 279] — именно это в конечном счете и происходит в жизни Гражины-Виктории.

Обратим внимание на то, как интерпретация чуда у Марины Палей соотносится с позицией М. П. Погодина, творившего в период становления и расцвета святочных жанровых форм в русской прозе и поэзии. «Святочные» повести М. П. Погодина «Суженый» (1828) и «Васильев вечер» (1831) показывают переплетение в судьбе человека случая и провидения, его личной энергии и предприимчивости. В своей книге по истории святочного рассказа Е. В. Душечкина приводит размышления Погодина: «Каждый человек действует за себя, по своему плану, а выходит общее действие, исполняется другой вечный план» [Душечкина 1995: 108]. Позиция Марины Палей, реализованная в рассказе «Анклав для двоих», созвучна позиции М. П. Погодина.

Обозначая жанровую форму как святочный рассказ, Марина Палей переосмысливает чудо, счастливые перемены становятся результатом личных усилий в сочетании с удачными совпадениями: тот, кто не теряет надежды, остается верен себе и смиренно проходит все испытания, в конце концов получает награду.

Сравнивая рассказ Марины Палей с рассказами Д. Быкова*, Л. Петрушевской и др., отметим, что Палей также обращается к мрачной стороне жизни, но при этом отходит от исключительно социальной критики и показывает цельный, сильный характер героини.

Святочные элементы в пьесе «Погружение»

Как было отмечено, святочный/рождественский рассказ у современных авторов часто становится духовным приговором обществу. Обнажению пороков посвящена и пьеса «The Immersion (Погружение)», написанная в жанре трагикомедии-буфф.

Герои находятся в конфликте с объективной действительностью, жизнь в текущих условиях для них невозможна. Они мечтают уехать в другую страну, но для этого необходимо знание иностранного языка. Герои участвуют в экспресс-программе по изучению английского языка: в месте, полностью изолированном от общества, выбрав для себя маски-легенды, они погружаются в учебу.

Пьеса решена в карнавальной эстетике с буффонадой, фарсом, когда за внешним весельем кроется глубочайшая трагедия человеческого бытия. Действие пьесы охватывает приблизительно три недели, включая время католического Рождества, Нового года и православного Рождества.

Элементы буффонады могут быть соотнесены не только с европейской карнавальной эстетикой, но и с русской святочной традицией. Это прежде всего элементы маскарада, который в характерной для русской светской культуры XVIII в. модификации происходил от народного обычая ряженных гуляний. В пьесе герои, придумывая себе биографии, тоже ряжутся, на католическое Рождество переодеваясь ангелами, а на православное Рождество играют роли испытываемых на экзамене.

Сон, который в третьем действии рассказывает Жан-Жак, как и святочный сон, можно назвать вещим: город разрушен военными действиями, выбраться невозможно.

Согласно рождественской традиции в третьем действии упоминается о духовных и нравственных ценностях, но, что типично для русского рождественского рассказа, в пьесе показано принципиальное несоответствие действительности праздничному духу Рождества. Именно в Рождество наиболее остро звучит критика бездуховному и безнравственному обществу.

Еще один святочный мотив — это мотив метели, «которой приписывалась в народе “бесовская” сущность» [Душечкина 1995: 200]. Метель на протяжении всей пьесы пытается проникнуть в защищенное пространство, где укрылись герои. Марина Палей «выворачивает» мотив уютного, гармоничного частного мира, отгороженного от враждебного мира стенами маленького, но защищающего дома, за которыми в XIX в. так любили читать прозу Диккенса. В пьесе Палей защищающее пространство, ставшее временным домом для героев, на самом деле является комбинатом ритуальных услуг и в финале пьесы становится смертельной ловушкой.

В финале пьесы, после того как убедительно доказано духовное и нравственное падение общества, inferнальными силами, символизирующим разрушение и безнравственность, удается проникнуть в «дом». Для их изображения автор обращается к реалиям святочного сна пушкинской Татьяны.

В балладе «Светлана» Жуковский, изображая народный праздник, весьма точно воспроизводит картину святочных гаданий, которая в то же время разрушает жанровую структуру святочных быличек. Если по народному поверью святочный сон предвещает Светлане горе (да и многие былички о гаданиях оканчиваются смертью того, кто заигрывал с нечистой силой), то Жуковский отменяет несчастливый финал, и его баллада заканчивается легко и изящно. В «Евгении Онегине» сон Татьяны, наполненный элементами свадебной и похоронной обрядности, различными трагическими предзнаменованиями в соответствии с народной традицией, оказывается пророческим.

В пьесе Марины Палей превращение по мере развития сюжета действительности в кошмарно-фантастический святочный сон, с одной сторо-

* Признан иноагентом на территории РФ.

ны, позволяет провести сравнение с рассказом А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание», где все фантастическое оказывается лишь сном. С другой стороны, фантастический элемент у Палей может быть объяснен довольно реалистично: герои «погружаются», то есть принимают наркотические вещества, и оттого приходят чудовища из Татьянинного сна.

В то же время предыдущее действие пьесы страшно и фантастично. Автор подчеркивает абсурдность самой действительности. Марина Палей оставляет читателю широкое поле для возможных трактовок пьесы. Не описан ли в самой пьесе, действие которой разворачивается в декорациях кладбища, сон мертвецов или сон на кладбище, или страшный сон на святки?

При любом истолковании соотношения реального и фантастического основной посыл остается неизменным: общество порочно и бездуховно. Это в целом соответствует пафосу святочного рассказа в интерпретации русских писателей.

Христианские ценности в произведениях Марины Палей

Марина Палей работает не только с формами святочного/рождественского рассказов, но и в целом с аксиологическим комплексом христианской литературной традиции.

В рассказе «Вода и пламень», наблюдая за застойной жизнью провинциального городка, героиня размышляет о свободе, жизни и духовной смерти. Финал ее размышлений приходится на дни перед Пасхой: «Нет, все-таки хорошо! Как хорошо, Господи! И сколько еще удовольствий ждет нас до сна? Жизнь предоставляет каждому большие, большие возможности» [Палей 2013: 103]. Таким образом, живым человеком является личность, стремящаяся реализовать свой потенциал и не упустить те возможности, что предоставляет ей жизнь, то есть прожить жизнь во всей полноте.

В рассказе «Вода и пламень» откровение, выраженное в осознании «все-таки хорошо!», не несет кардинальной перемены в судьбе героини, поскольку та уже живет с тайным ощущением этого откровения и в финале рассказа лишь формулирует его словесно.

Тема полноты жизни раскрыта в поэтическом сборнике «Инок», где любовь, страсть и творчество предстают как триединая божественная основа жизни. Лирический герой цикла — поэт, наделенный божественным даром творчества, даром остро чувствовать жизнь. Герой проходит через любовь и страдания, через счастье и боль. Поэт, наделенный даром, талантом от Бога, — это Инок по рождению, слуга Бога по своей природе. Именно жанр лирического цикла наиболее полно через развертывание образно-эмоционального сюжета раскрывает тему связи поэта-инюка и Бога. Поэт в наибольшей степени использует те возможности, которые предоставлены ему жизнью, и проживает жизнь во всей ее полноте¹.

Тема христианского смирения и принятия жизни во своей ее полноте, с радостями и горестями, отражена в повести «Под небом Африки моей». Герой, отрицая свою нынешнюю жизнь, устремлен в прошлое, в воспоминания о студенческих годах и дружбе. Прошлое в повести мифологизируется и предстает как единственное время и пространство, где и когда герой был счастлив. Однако непринятие жизни настоящей приводит к духовному краху. В тексте звучит цитата из жития протопопа Аввакума: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самой до смерти». Она же в ответ: «Добро, Петрович, тогда еще побредем». Обращаясь к жанру повести, жанру, отражающему определенный болевой нерв отношений человека и действительности, а также осмысливая соотношение жизни и христианского смирения, Палей показывает трагедию человека, не способного к принятию жизни в ее противоречивой, но непреодолимой полноте.

Трансформация жанра притчи

Своеобразно представлена в творчестве Марины Палей притча.

Притча — обобщенное, типизированное повествование. Функция притчи — типизация ситуаций и описание определенной парадигмы поведения, которую читатель может применить к себе, извлекая из притчи урок.

Роман «Хор» уже попадал в объектив критики. Рецензии на роман были написаны Сергеем

Костырко, Александрой Созоновой, Константином Комаровым.

Сюжет романа таков: во Вторую мировую встретившись в лагере пленных, голландец Андерс и девушка из Полесья вместе добираются до Голландии, устраиваются, создают семью. Конфликт возникает в тот момент, когда Андерс узнает, что его жена любит петь в хоре, что в итоге оборачивается представлением о культурной пропасти. В романе обрисовано не столько противостояние между западным индивидуалистическим существованием и соборно-православным, сколько принципиальное несовпадение между двумя сознаниями. Это открытие в конце концов приводит героя к самоубийству.

Андерс — типизированный персонаж, обозначающий любого человека, который неожиданно для самого себя осознает, что между людьми всегда находится стена непонимания, причем речь идет не о размолвках на бытовом уровне, а о невозможности понять другого и быть понятым в принципе.

Основной урок, извлекаемый из притчи Марины Палей, — это именно осознание непреодолимой преграды, стены, всегда разделяющей двух людей. Но это не урок поведения или инструкция к действию, это урок иного, более глубокого и осмысленного взгляда на жизнь.

Герой романа не видит пути к преодолению принципиальной невозможности понять другого. Он, христианин, чувствует свою богооставленность и за пять дней до Рождества совершает самоубийство.

Исследователями было отмечено, что роман Марины Палей имеет ряд характерных для притчи черт: «учительная» позиция автора, схематичность обрисовки персонажей, значимость ситуации выбора и т. д. Однако происходит «слом» притчевой парадигмы: героя, поступающего правильно, ожидает негативный финал [Гримова 2016: 29].

Для христианской традиции чрезвычайно важен концепт «любовь». В романе «Хор» именно любовь заставляет автора ворваться в повествование и из сегодняшнего дня обратиться к Андерсу в прошлом, этим творческим актом, словом пытаться преодолеть стену, разделяющую людей, разде-

ляющую автора и персонажа, эту преграду, «сложные, нелинейные структуры времени, нелинейные связи причин и следствий».

Автор пытается объяснить Андерсу тот самый божественный замысел, который тот не понимает:

«Но я, например, пишу музыку. И вот, в процессе, вымарываю, бывает, для одной мне ведомой гармонии отдельные ноты, аккорды, десятки аккордов, сотни аккордов — да что там — вымарываю целые листы партитуры! Погибающие ноты вопят в ужасе: за что, за что?! Оставшиеся в живых вопят от животного страха: для чего?! А для того, драгоценные, что цели Композитора ни в коей мере не совпадают с целями отдельных нот. Вы, нотки, желаете жить, жить — жить и звучать, любой ценой. То есть, в том числе, ценой нарушенной Божественной гармонии. Но Он, Композитор, сделать вам этого не позволит. А какова она, Его гармония? Уж всяко не такова, как у до-ре-ми. ... Композитор творит — постоянно — Свою Великую (Безбрежную) Космогоническую Симфонию. ... Давайте считать Его — Создателем, а себя — нотами или буквенками» [Палей 2011: 190–191].

Автор романа подчеркивает, что человеку не дано понять этой великой гармонии, но человек может принять и смириться с этим непониманием и продолжить проживать свою земную жизнь в той мере, в какой она дана ему.

Героиня святочного рассказа «Анклав для двоих» именно так и живет, не стремясь постигнуть непостижимое, но проживая ту жизнь, которая ей дана, и реализуя тот талант, который ей дан согласно этому божественному замыслу, и за свое терпение она в финале получает долгожданное счастье. Если рассматривать притчу как историю, формирующую определенную модель поведения в определенной ситуации, то святочный рассказ «Анклав для двоих» также может быть обозначен как притча, где основной извлекаемый урок — это необходимость человеку следовать своим убеждениям и сохранять верность самому себе.

Андерс в романе-притче «Хор» стремится постигнуть непостижимое и в бессилии перед этой пропастью совершает самоубийство. Высшая форма принятия дара жизни — с ее любовью, страстью, творчеством, страданием — описана в лириче-

ском цикле «Инок», где изображен поэт, творец, живущий всей полнотой чувств.

Выводы

Обращение к известным жанровым формам, построение определенного читательского ожидания, с одной стороны, позволяют автору задать для читателя правила и условия вхождения в текст. Однако, с другой стороны, нарушение жанрового канона, слом читательского ожидания способствуют воплощению оригинального художественного мировидения писателя.

Марина Палей по-своему переосмысливает жанровые формы христианской литературы и, обращаясь к христианским ценностям, воплощает свое видение темы отношений человека и жизни, человека и общества, принятия человеком жизни такой, какая она есть.

Жанр святочного рассказа позволяет писателю показать важность личных усилий человека для достижения счастья, а также необходимость следовать собственным убеждениям. Современные прозаики часто ломают канон святочного рассказа, показывая несовпадение действительности и идеи Рождества (мотив неслучившегося чуда). В Рождество особенно остро звучит социальная критика. Однако Палей отходит от распространенного восприятия святочного рассказа и мотив чуда интерпретирует как результат личных усилий и верности своим убеждениям.

Использование элементов святочного рассказа в пьесе «Погружение» предоставляет автору возможность развернуть острую критику общества. Созданная Мариной Палей мрачно-абсурдная картина действительности в этой пьесе вторит современной тенденции в святочном/рождественском рассказе выносить суровый приговор общественному устройству.

Обращение к жанровой парадигме притчи реализовывает одну из основных тем в творчестве: тему принципиальной невозможности понимания между людьми. В романе происходит слом притчевого канона: героя, поступающего по сложившимся правилам, ждет гибель. Однако второй извлекаемый урок — необходимость принятия того факта, что божественный замысел непости-

жим, — показывает, что небрежение этим уроком ведет к негативному финалу. Следовательно, в соответствии с канон притчи автор демонстрирует читателю определенный образец поведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Леднева Д. М. Заголовочно-финальный комплекс в контексте жанровой динамики творчества Марины Палей. *Культура и текст*. 2022, № 3: 107–125.

ИСТОЧНИКИ

Палей 2013 — Палей М. *День тополиного пуха: рассказы*. М.: Эксмо, 2013. 288 с.

Палей 2011 — Палей М. *Хор: роман-притча*. М.: Эксмо, 2011. 352 с.

ЛИТЕРАТУРА

Беляков 2008 — Беляков С. С. Правда, увиденная своими глазами (Россия сквозь разную оптику). Глава: Сквозь оптический прицел. *Новый мир*. 2008, № 1: 159–171.

Боровиков 1998 — Боровиков С. Г. Неизвестная заря. Рецензия на книгу «Месторождение ветра». *Новый мир*. 1998, № 12: 222–226.

Гашева 2009 — Гашева Н. В. *Художественные структуры индивидуальных текстов русской прозы (рубеж XX–XXI веков)*. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009. 102 с.

Гримова 2016 — Гримова О. А. Жанровая стратегия притчи в современном романе (М. Палей «Хор»). *Новый филологический вестник*. 2016, № 4 (39): 29–36.

Даниленко 2014 — Даниленко Ю. Ю. Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Д. Быков*, Л. Петрушевская). *Проблемы исторической поэтики*. 2014, № 12: 587–598.

Душечкина 1995 — Душечкина Е. В. *Русский святочный рассказ: становление жанра*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 256 с.

Завельская 2019 — Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией. *Вестник славянских культур*. 2019, Т. 51: 125–140.

Макеева, Михеенко 2013 — Макеева С. Г., Михеенко О. С. Календарные рассказы духовно-нравственной тематики как литературное явление. *Ярославский педагогический вестник*. 2013, № 4: 243–246.

Немзер 1998 — Немзер А. С. *Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е*. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 432 с.

Нефагина 1997 — Нефагина Г. Л. *Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века*. Минск: Финансы, учет, аудит; Экономпресс, 1997. 231 с.

* Признан иноагентом на территории РФ.

Салтыков 1999 — Салтыков А. Б. О чуде. *Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Богословский сборник III*. М., 1999: 275–283. URL: http://www.holyfire.org/chudesa_Saltikov.htm (дата обращения: 24.11.2022).

Сизых 2012 — Сизых О. В. Поэтика современного русского рассказа. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*. 2012, № 2: 123–129.

Сипко 2006 — Сипко Ю. Н. *Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века*. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 224 с.

Созина 2011 — Созина Е. К. Жанровые вариации в творчестве М. Палей и метаморфозы «петербургского романа». *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2011, № 4: 97–105.

Шейко-Маленьких 2004 — Шейко-Маленьких С. И. *Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: Мир как текст*: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 162 с.

SOURCES

Палей 2013 — Palei M. *Poplar Down Day: stories*. Moscow: Eksmo Publ., 2013. 288 p. (In Russian)

Палей 2011 — Palei M. *Chorus: a novel-parable*. Moscow: Eksmo Publ., 2011. 352 p. (In Russian)

REFERENCES

Беляков 2008 — Beliakov S. S. Truth seen with my own eyes (Russia through different optics). Chapter: Through the Optical Sight. *Novyi mir*. 2008, no. 1: 159–171. (In Russian)

Боровиков 1998 — Borovikov S. G. Unknown dawn. Review of the book “Wind Field”. *Novyi mir*. 1998, no. 12: 222–226. (In Russian)

Гашева 2009 — Gasheva N. V. *Artistic structures of individual texts of Russian prose (the turn of the 20th — 21st centuries)*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009. 102 p. (In Russian)

Гримова 2016 — Grimova O. A. Genre strategy of the parable in the modern novel (M. Paley “Chorus”). *The New Philological Bulletin*. 2016, no. 4 (39): 29–36. (In Russian)

Даниленко 2014 — Danilenko Iu. Iu. Transformation of the Christmas Story Genre in Contemporary Literature (D. Bykov, L. Petrushevskaya). *The Problems of Historical Poetics*. 2014, (12): 587–598. (In Russian)

Душечкина 1995 — Dushechkina E. V. *Russian Christmas story: the formation of the genre*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 1995. 256 p. (In Russian)

Завельская 2019 — Zavel'skaia D. A. The Motif of a Miracle in the Depiction of a Christian Holiday by the Russian Literary Tradition. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2019, no. 1: 125–140. (In Russian)

Макеева, Михеенко 2013 — Makeeva S. G., Mikheenko O. S. Calendar stories of spiritual and moral themes as a literary phenomenon. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2013, no. 4: 243–246. (In Russian)

Немзер 1998 — Nemzer A. S. *Literary today. About Russian prose. 90s*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 432 p.

Нефагина 1997 — Nefagina G. L. *Russian prose of the second half of the 80s — early 90s of the XX century: Textbook for students of philological faculties of universities*. Minsk: Finansy, uchet, audit Publ., Ekonompress Publ., 1997. 231 p. (In Russian)

Салтыков 1999 — Saltykov A. B. About the miracle. *Pra-voslavnyi Sviato-Tikhonovskii Bogoslovskii institut. Bogoslovskii sbornik III*. Moscow, 1999: 275–283. Available at: http://www.holy-fire.org/chudesa_Saltikov.htm (accessed: 24.11.2022).

Сизых 2012 — Sizykh O. V. Poetics of modern Russian short story. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2012, no. 2: 123–129. (In Russian)

Сипко 2006 — Sipko Iu. N. *Existential content of St. Petersburg prose of the end of the 20th century*. PhD thesis. Stavropol, 2006. 224 p. (In Russian)

Созина 2011 — Sozina E. K. Genre variations in the work of M. Paley and metamorphoses of the “Petersburg novel”. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2011, no. 4: 97–105. (In Russian)

Шейко-Маленьких 2004 — Sheiko-Malen'kikh S. I. *Poetics of Russian postmodernism in the prose of the 1990s: The world as a text*. PhD thesis. St Petersburg, 2004. 162 p.